

Тенеромо Исаак Борисович

Л. Н. Толстой о евреях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И85

И85 **Исаак Борисович Т.**
Л. Н. Толстой о евреях / Тенеромо Исаак Борисович – М.: Книга по Требованию,
2026. – 94 с.

ISBN 978-5-519-76478-0

ISBN 978-5-519-76478-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вспомнил перед вами,
и благодарный Михаил Баринов
уже благодарился на за
вашу книгу. Я простираю
ее, но потому, как буду
ушии когда еще будет мура,
и издательство про себя
делает мура. Я знаю ее
содержание и знаю что
она интересна и сокращен
есть в том сокращен
времени к. мы тогда
переводились вместе с вами
и благодарю вас за это.
Лев Толстой
14 марта 1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не тревожься неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Овладѣть беззащитной землею...
Что бѣгутъ пауки, и шипя...
На болотѣ проснулась змѣя—
Это гады бѣгутъ предъ зарею...

Чѣмъ ночь темнѣе, тѣмъ звѣзды ярче... И въ тяжелые дни переживаемаго безвременья, когда темныя силы человѣконенавистничества, мрачнаго озлобленія и слѣпотаго фанатизма беззащитно глумятся надъ погранными началами братства и любви, надъ лучшими завѣтами и надъ самыми дорогими надеждами,—въ эти тяжелые дни звучить особенно мощно голосъ одного изъ величайшихъ воплощений мучительныхъ исканій правды, одного изъ гениально-искреннихъ и смѣлыхъ проповѣдниковъ долга къ самому себѣ и любви къ другимъ. И этотъ великій учитель жизни—вмѣстѣ съ тѣмъ и безспорный въ свидѣтельствахъ своихъ ея наблюдатель. Среди враговъ Толстого, среди тѣхъ, кто оспариваетъ его выводы, не соглашается съ философской стороной его твореній, врядъ-ли найдется хотя бы одинъ, кто дерзнулъ бы сказать, что Толстой не безукоризненный въ правдивости своихъ описаній наблюдатель явленій жизни. И когда онъ говоритъ, что въ душѣ русскаго народа нѣтъ ненависти ни религіозной, ни націо-

нальной къ сынамъ еврейскаго народа, когда онъ отъ имени русскаго народа говоритъ, что трудовая, крѣпкая землю, Россія раскроетъ свои объятія дѣтямъ еврейскаго народа, возвеличеннаго страданіями своими,—то это свидѣтельство безпощадно уличаетъ во лжи тѣхъ самозванныхъ представителей русскаго народа, которые хотятъ превратить великое его имя въ кличъ челоѣко-ненавистничества и насилія.

.
.
.

О. Пергаментъ.

—

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Получаетъ разъ Левъ Николаевичъ письмо:

«Графъ! Въ засѣданіи психологическаго общества въ Москвѣ вы въ своей рѣчи выразились, что надо любить всѣхъ людей. Позвольте васъ перебить! Неужели и жиды надо любить?... Я не могу повѣрить, чтобы вы, графъ, нашъ извѣстный писатель, могли согласиться съ такимъ выводомъ. А между тѣмъ изъ вашей рѣчи неизбѣжно слѣдуетъ это положеніе. Очень радъ былъ бы услышать отъ васъ опроверженіе. Если пожелаете отвѣтить, то отвѣчайте черезъ «Новое Время»—я подписчикъ этой газеты».

Помню, долго мы съ Л. Н. смѣялись надъ этимъ «произведеніемъ» и рѣшили, что лучше всего, вмѣсто отвѣта, опубликовать это самое письмо.

Я вложилъ письмо въ конвертъ, написалъ въ редакцію препроводительную записку о желаніи Л. Н. опубликовать письмо и отправилъ на почту въ Ясенки.

Поздно вечеромъ, вижу, Л. Н. пришелъ усталый и, вынувъ изъ кармана какой то конвертъ, положилъ его на столъ.

— Ходилъ на почту,—говоритъ онъ,—и взялъ назадъ письмо. Богъ съ нимъ! Онъ человѣкъ темный, совсѣмъ еще не родился къ жизни.

Льву Николаевичу пришлось сдѣлать 12 верстъ туда и назадъ въ осеннюю, мгlistую пору.

Вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, а я остался въ Ясной. (Это было въ 1886 г.).

Въ февралѣ мѣсяцѣ, слышу, затрѣнкали у подъѣзда бубенцы, и изъ наемной тульской пролетки вылъзаютъ два «чистыхъ господина».

Одного изъ нихъ я зналъ,—моложавый, но рыхлый блондинъ Оболенскій.

А другой—старичекъ, съ сѣденькой бородкой и слегка сутуловатый.

Подходить и рекомендуется:

— Суворинъ! говоритъ.

— Очень пріятно.

Былъ ясный, солнечный день, и мы усѣлись подъ деревомъ у павильона на скамейкѣ.

— Жаль,—началъ Суворинъ,—что не засталъ Л. Н. А я къ нему за совѣтомъ.

— О, да, Левъ Николаевичъ—человѣкъ совѣта,—*L'homme du conseil*,—пояснилъ свѣтскій Оболенскій.

— Я, собственно, хотѣлъ поговорить со Львомъ Николаевичемъ на счетъ его сочиненій. Вотъ онъ отрекся отъ литературной собственности и позволяетъ всякому печатать его послѣднія произведенія. Согласитесь, что это нерационально. Начнутъ издавать всякіе издатели со своими вставками, описками и ошибками,—и черезъ нѣкоторое время мы не узнаемъ сочиненій Льва Николаевича. Потомство будетъ читать ихъ въ извращенномъ видѣ, и мысли нашего писателя получать совершенно иную форму, а иногда и смыслъ иной. Этого допустить не слѣдуетъ. Вотъ я и хотѣлъ предложить, чтобы онъ мнѣ передалъ право изданія.

Я улыбнулся.

— Что-жъ вы думаете, онъ не согласится?

— Кажется...

Послѣдовала неловкая пауза.

— А вотъ кстати,—вспомнилъ я,—Л. Н. получилъ отъ одного изъ вашихъ подписчиковъ письмо, въ которомъ онъ проситъ отвѣтить ему черезъ вашу газету.

И я передалъ ему содержаніе письма.

Суворинъ слушалъ, нагнувши низко голову, и чертилъ бывшимъ у него въ рукахъ зонтикомъ фигуры на снѣгу.

— Да, конечно,—началъ онъ, когда я кончилъ, — это нѣсколько неудобная постановка вопроса. Но вы должны знать, что направленіе моей газеты...

— Какъ же, знаю направленіе вашей газеты. Не знаю, только, чѣмъ вы сами объясняете свой походъ противъ евреевъ.

Суворинъ оживился, привсталъ и нервно, качая зонтикомъ въ рукѣ, быстро заговорилъ:

— Видите ли, въ еврейскомъ вопросѣ я вовсе не придерживаюсь того взгляда, какой обыкновенно приписываютъ юдофобамъ. Я совершенно игнорирую религиозную сторону. По моему, не вопросы вѣры создали еврейскій вопросъ и не вопросы вѣры разрѣшаютъ его. Религія тутъ рѣшительно ни при чемъ.

Напротивъ, если бы все затрудненіе еврейскаго вопроса заключалось въ религіи,—онъ давно былъ бы рѣшенъ, какъ онъ рѣшенъ уже по отношенію къ караимамъ.

И законодательство, и общественное мнѣніе наше нисколько не настроено враждебно по отношенію къ еврейской религіи. Въ законѣ о караимахъ сказано, что имъ даются всѣ права, какъ истиннымъ евреямъ.

Вы видите, слѣдовательно, что не принадлежность къ еврейской вѣрѣ мѣшаетъ равноправію, а, напротивъ, истинные евреи удостоились одинаковыхъ съ кореннымъ населеніемъ правъ.—Итакъ религію надо исключить въ этомъ вопросѣ. Не придерживаюсь я также и экономического взгляда. Меня не пугаетъ призракъ преслову-

таго эксплуататора-еврея. Это тоже слишкомъ раздуто, и вовсе не такъ страшно.

Сама по себѣ взятая, эта сторона еврейскаго вопроса настолько ничтожна, что врядъ ли о ней кто-нибудь и говорилъ бы. Не еврей, такъ другіе пользовались бы невѣжествомъ народа.

Родной русскій кулакъ въ деревнѣ еще болѣе страшенъ и паукообразенъ, чѣмъ пришлый еврей. Съ евреемъ въ деревняхъ крестьяне, особенно на югѣ, сживаются, и торговые интересы рѣдко вызываютъ крупныя недоразумѣнія: если это бываетъ, то въ этихъ случаяхъ всегда замѣшаны науськивающіе конкуренты-кулаки изъ русскихъ. Я смотрю на еврейскій вопросъ совершенно иначе. Не религіозная, не экономическая, а національная сторона вопроса должна быть выдвинута на первый планъ. Та самая сторона, которую выдвинулъ и Петръ Великій.

Передъ нами двѣ націи. Одна старая, умная, выдававшая на своемъ вѣку и счастье, и горе; нація, выработавшая прочныя устои семейные, религіозныя; нація, крѣпкая своей внутренней солидарностью и, если хотите, нравственной чистотой,—да, я признаю это.

А съ другой стороны нашъ народъ, чуть-чуть зарождающійся, еле выходящій изъ пеленъ исторіи; народъ, не только не пережившій ничего, но еще мало испробовавшій; народъ свѣжій, мягкій, безъ устоевъ и значительно ниже стоящій по многимъ нравственнымъ качествамъ своимъ.—Ни семейныхъ, ни религіозныхъ основъ у него прочныхъ нѣтъ еще; вмѣсто солидарности царитъ непонятная чисто-дѣтская вражда взаимная, съ ненужнымъ ухарствомъ и бахвальствомъ; цѣли народныя не выяснены, міросозерцаніе не установлено...

И вотъ не угодно ли,—при встрѣчѣ этихъ двухъ націй,—на чьей сторонѣ можетъ быть побѣда? Не надо

быть особеннымъ пророкомъ и прозорливцемъ событій, чтобы предугадать печальный исходъ для слабой стороны.

Нашъ народъ не выдержитъ борьбы и поддастся.

Онъ утонетъ въ старомъ еврейскомъ морѣ и растворитъ въ немъ свою молодую, еще мало жившую душу.

Вотъ что опасно, и вотъ чего боится всякое честное, русское сердце, содрогающееся при мысли о возможной гибели. — Я знаю, вы мнѣ скажете, что въ этомъ еще ничего страшнаго нѣтъ, что если еврейскій народъ чище и нравственнѣе русскаго, то кому отъ этого плохо будетъ, когда русскій народъ поддастся вліянію его и самъ сдѣлается чище и нравственнѣе. Я знаю это, но долженъ вамъ сказать, что народная жизнь еще болѣе щепетильна, чѣмъ жизнь отдѣльной личности, и не всякому пріятно подражать. Русскій народъ желаетъ шествовать по своему пути и на этомъ пути хотѣлъ бы избѣжать чьихъ бы то ни было вліяній, а тѣмъ болѣе еврейскихъ.

Таковъ мой взглядъ.

Весной, когда Левъ Николаевичъ, по приѣздѣ своемъ, узналъ отъ меня объ этомъ взглядѣ, онъ улыбнулся и указалъ рукой на прудъ (мы тогда что-то работали съ нимъ около пруда).

— Вы видите эту мелкую рябь на водѣ, она чуть-чуть колыхаетъ верхній слой и нисколько не волнуется всю остальную воду. Такъ и мысли этихъ книжныхъ умниковъ. — Эти люди такъ же мало проникаютъ въ глубь народныхъ интересовъ, какъ эти мелкія извилины ряби въ водную толщу пруда.

Тамъ, въ высокихъ казармахъ душныхъ городовъ, идетъ у нихъ борьба съ измученнымъ еврействомъ, и жестоки, они думаютъ втравить въ эту борьбу и умный

добрый народъ нашъ, которому всегда были чужды злыя чувства нетерпимости къ другимъ. Эти желчныя публицисты и слушающіеся ихъ сухіе, тощіе, съ сухими душами чиновники думаютъ навѣять страхъ на народъ и пугаютъ людей евреями, какъ грозной силой.

Они думаютъ, что конкурирующій съ ними еврей-адвокатъ или врачъ такъ же страшенъ для народа, какъ и для нихъ, и что-то можетъ сдѣлать этой могучей твердынѣ, сильной и крѣпкой своимъ земельнымъ трудомъ, какъ и сама земля.

Пусть идетъ сюда въ деревню это истомленное тысячелѣтнимъ гоненіемъ племя, для нихъ хватитъ здѣсь и мѣста, и ласки, и работы землепашца и ничего, кромѣ горячаго привѣта, они не увидятъ здѣсь отъ деревенскихъ людей. Повѣрьте, я живу въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ и живу въ старой, коренной русской деревнѣ, и никогда не наблюдалъ и не слышалъ, чтобъ въ комъ-нибудь изъ деревенскихъ клокотала ненависть къ евреямъ за ихъ вѣру, за ихъ національность. Напротивъ, о вѣрѣ еврейской и преданности этой вѣрѣ услышите отъ каждаго крестьянина самыя лучшіе отзывы. Здѣсь, въ Ясной, жива еще и до сихъ поръ память объ одномъ работавшемъ на деревнѣ еврей, который по правиламъ религіи своей совершалъ омовенія на разсвѣтѣ и зимой бѣгалъ для этого на прудъ и окунался въ прорубь.

Поговорите съ нашими стариками о немъ, спросите Прокофія, Степана Рѣзунова, Егора—и вы услышите, какую благоговѣйную память по себѣ оставилъ у нихъ этотъ челоувѣкъ.

— «Вотъ израильтянинъ!» — говорятъ всѣ. И это чувство совершенно искренно и отражаетъ въ себѣ чувства всего народа нашего.

Наши деревенскіе люди не могутъ представить себѣ